

Логические исследования

Адольф ТРЕНДЕЛЕНБУРГ

Предисловие к первому изданию

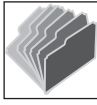
В данных исследованиях обсуждаются чужие идеи и выдвигаются собственные. Последнее было бы невозможно без первого. Ибо собственное должно сначала создать свободное пространство, чтобы иметь возможность двигаться. Только тогда можно утверждать что-либо, когда оно сможет отделить себя от другого.

Жизнь науки, как и всякая жизнь, состоит в борьбе и притом в борьбе не только с противоположными мнениями, но и с фактами, не желающими поддаваться мысли. Пусть предлагаемая здесь работа покажет, что, служа делу, я предпринял эту двойную борьбу без страха и без желания себя превознести.

Анализ, не отрекаясь от своей сущности, не может уклоняться от сути дела. Тот, кто в резкости суждения, направленного на чужую мысль, захочет видеть

враждебное чувство к высказавшей его личности, пусть знает, что во всей книге едва ли названо хоть одно имя, которому я не считал бы себя обязанным благодарностью в том или ином отношении. Поэтому хочется попросить удержаться от того, чтобы переносить суть дела в область личных отношений. Если читателю покажется, что в сочинении слишком много критического, то он может ... свободно пропустить обсуждение чужих идей и обратиться к нашим собственным исследованиям, раскрывающим вопрос *в целом*.

Борьба с фактами значительно сложнее; ибо они, правильно рассмотренные, стоят негибачемо, и мысль должна с ними согласовываться. Однако логика находится здесь в особенно затруднительном положении. Факты, которые необходимо рассмотреть, чтобы сделать выводы, являются методами частных наук; ибо в них познающий дух выразил свою собственную сущность. Науки успешно ищут свои собст-

венные пути, но обычно не задаются вопросом о методах, так как направлены не на свои приемы, а на свой предмет. Логике надлежало бы здесь наблюдать и сравнивать, возвышать бессознательное до сознания и постигать различное в едином, общем источнике. Без пристального внимания к методам частных наук она не может достичь цели, поскольку в этом случае у нее нет определенного объекта, который помог бы позволить ей разобраться в своих теориях. Затем, если логика должна понять необходимость, которая в некотором смысле коренится в принципах вещей, то она не может обойтись без новейших достижений частных наук, дабы из начальных или конечных точек проникнуть в источник понятия необходимости. До сих пор в этом отношении мало что сделано. К тому же отдельный человек вряд ли может справиться с этим требованием, так как оно должно устанавливаться из единства всей науки. Разве что в таком случае логику пришлось бы находиться в царстве духа повсеместно, а это скорее означает не быть нигде. Я нахожусь перед двойной опасностью: стать односторонним из-за недостатка в рассмотрении научных фактов или поверхностным вследствие слишком беглого обзора, и едва ли мне удалось совсем избежать того и другого. Где этого требовали исследования, там я входил в дисциплины, которые мне не слишком близки. Если при этом вкрадется ошибка, хочется надеяться, что частные

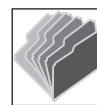
науки ее снисходительно исправят. Их интересы руководили мною в исследованиях; мною руководило желание посредством учета частных наук в их последних основаниях сделать логику опытней, значимей для себя самой и плодотворнее для внешних ей областей. Много остается еще сделать, борьба же с фактами познания еще долго не начнется в таком объеме, который необходим для логических теорий.

Берлин, 1 августа 1840 г.

Предисловие ко второму изданию

«Логических исследований» уже давно нет на полках книжных магазинов. Когда они были распроданы, я занимался составлением «Натурального права на основе этики». В этой реальной дисциплине проводились те же основные воззрения, что и в «Логических исследованиях», таким образом, прежде чем снова работать над ними, я хотел закончить предыдущую работу. Поэтому новое издание, которое обозначено как дополненное, выходит лишь сейчас.

«Логические исследования» были направлены, что ясно оговаривалось во многих местах сочинения и повторно было сказано в заключении, на формирование целостного воззрения, объединяющего в себе логическое и метафизическое начала. Такие господа, как *Генрих Риттер*, ко-

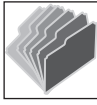
торых за обсуждение в *Göttinger Anzeigen* я обязан низжайше поблагодарить, распознали план целого. Однако большинство ухватилось за множественное число в названии и предпочло в «Логических исследованиях» видеть лишь многое, не говоря уже о том, кто, не прочтя далее первого тома, утверждал, будто «Логические исследования» добрались только до движения и придерживались движения только как гипотезы. Не буду спорить с непониманием, однако в новом издании я постарался исключить внешние случайности, а самую ложную видимость истины сделать невозможной.

Разумеется, название осталось прежним; оно характеризует метод и имело особенный смысл в период расцвета абсолютной логики, когда «Логические исследования» впервые были опубликованы. Кроме того, в новом издании особое внимание обращено на то, чтобы осветить целое и единичные части, находящиеся с целым в тесной связи. Речь об этом идет во многих главах, включенных в новую редакцию. В частности, издание дополнено первой главой, в которой дан набросок объединения логики и метафизики как задачи основной науки, главами «Система» и «Идеализм и реализм», кроме того, во многие главы добавлены уточнения и разъяснения. За некоторым исключением всюду я хотел только дополнить, а не переделать или сделать заново, так как основное воззрение, по мо-

ему мнению, нашло подтверждение в последующих изысканиях. Такого рода дополнением стала глава «Цель и воля», основанная на этическом представлении. Указанные изменения в структуре давно данного целого я хотел бы обозначить выражением «дополненное издание».

«Логические исследования», проложившие свою дорогу между двумя школами, со времени выхода в свет до сегодняшнего дня подверглись многочисленным атакам. Со стороны гегелевской школы они были ожесточеннее и чаще, со стороны школы Гербарта – осмотрительней и реже. В то время как по отдельным пунктам понимание кажется возможным, в частности, оно было найдено во взглядах на формальную логику, в большинстве случаев такой шанс на объединение позиций отсутствует. Несмотря на то что присягнувшие единому флагу чистого разума уже давно ссорятся между собой, «Логические исследования» для них остались общим врагом. Второе издание придерживается старых результатов, которые в споре только подтвердились и дополнились примерами, кроме того, в соответствующей главе оно воспроизводит утверждения и возражения чистой диалектики, *поскольку они были научными*. Кто рассмотрит их, тот утратит доверие к прочности выдумок, созданных ради спасения диалектики, и перестанет верить в их последовательность.

С тех пор как вышло в свет первое издание «Логических ис-

следований», отношение к гегелевской философии стало более ясным. Выход в свет таких сочинений, как «Психология гегелевской школы» Эхнерса, «Гегель и его время» Гайма или «Спекулятивные системы и философские вопросы современности» Киршнерса, осветивших различные аспекты гегелевской философии, а также появление работ, многие авторы которых сами исходили из Гегеля, делали все более заметным общее критическое отношение к Гегелю. Такая же тенденция проявилась и во Франции. Доказательством этому, например, могут служить высказывания Сан-Рене Таланда и Эрнста Ренана, сочинение «Исследования о диалектике у Платона и Гегеля» Поля Жане, новые статьи Эмиля Сессе и Эдмонда Шерера в *Revue des deux mondes*.

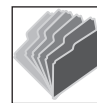
Между тем мы узнаем о новых победах, которые совершает мышление в Сербии и Молдавии, в Неаполе и Португалии; они противостоят спаду в Германии, отступлению во Франции и апатии в Англии. Действительно, надо оценить отвагу чистого разума в деле подъема народов, ибо, как стало видно, они могут успешно помогать друг другу. Но отвага еще не истина, а изменчивое зеркальное отражение еще не обоснованное знание. За заблуждением последует философское изнеможение. В Германии спал дурман затуманивающей головной боли, но началось выплескивание ребенка вместе с водой.

В связи с этим кажется, что на философию, зависящую от на-

строений эпох и народов, смотрят только как на преходящий элемент культуры, как на отзвук меняющихся день ото дня ощущений и изгоняют из истории науки в историю культуры или, подобно поэзии, в историю литературы. Философия же по своему действительному призванию должна объединять народы и эпохи в общем человеческом созерцании и в необходимой задаче наук, как изначально это делали Платон и Аристотель; объединяя Восток и Запад, она должна снова выбраться из того унижительного положения, в которое ее загоняют; надеюсь, что «Логические исследования» смогут содействовать этому.

Философия достигнет прежней силы не раньше чем займет прочное положение, а прочное положение она займет не раньше чем начнет развиваться таким же образом, как развиваются другие науки, после того как она начнет развиваться постоянно, не заново начиная и снова переставая быть в каждой голове, а исторически перенимая проблемы и продолжая дальше работать над их решением.

Немецким предрассудком является мнение, будто каждый философ должен начинать на собственный лад, каждый – иметь свой изначальный принцип, каждый должен запастись особо отшлифованным зеркалом, чтобы в нем уловить мир. Поэтому наша философия страдает ложной оригинальностью, сама себя загоняя в парадокс: в каждом учении она стремится к индивидуальному своеобразию и

при этом теряет прочное положение, величие и единство.

Пресытившись Гегелем и найдя Гербарта слишком трезвым или слишком искусственным и скудным в метафизике, у нас хватаются за Шопенгауэра, долгое время не привлекавшего внимания и не замечаемого. Он, горделиво и грубовато превознося себя над всеми школьными философами, оказался более строгим критиком, чем сам Кант. Поэтому «Логические исследования», оставаясь на избранном пути, в главе «Цель и воля», там, где они серьезнее всего сталкиваются с Шопенгауэром, воспроизводят основания его учения, для того чтобы их проверить.

Немцам следует отделаться от предрассудка, будто для будущего философии нужно найти какой-то новый принцип. Принцип давно найден; он находится в органическом мировоззрении, обоснованном в философии Платона и Аристотеля и с тех пор постоянно развивающемся; в органическом мировоззрении, которое во взаимодействии с реальными науками, изучающими отдельные аспекты, должно формироваться и совершенствоваться во все более и более углубленных исследованиях основных понятий.

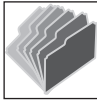
Если бы такой мощный ум, как Шеллинг, вместо того чтобы идти в обратном порядке от Фихте и Канта к аналогиям Гердера, затем к Спинозе, потом к Платону и Джордано Бруно, а потом к Якобу Беме и только в заключе-

ние – к Аристотелю, чтобы погрузиться со своим читателем в чудовищно чужеродное учение о потенциях, начал бы свои философские изыскания с Платона и Аристотеля, то целый раздел немецкой философии был бы другим – результативнее, величественнее, постоянное и плодотворнее. Настолько важно идти вместе с историей и проследить историческое развитие великих мыслей.

Конечно, еще вопрос, удалось ли «Логическим исследованиям» избежать неповторимых и оригинальных обходных путей и достичь прочного положения в обширной и постоянной связи. Однако автор стремился именно к этой цели.

В этих обстоятельствах необходимо было критикой расчистить себе путь. «Логические исследования» составлены так, что идут посреди критики своей собственной дорогой. Нужно только не слишком задерживаться на критических частях, и перед взором предстанет единая связь позитивных исследований.

Первое издание посвящено *Карлу Фердинанду Беккеру*, человеку, который в области языка пытался развивать органическое мировоззрение и оживлял грамматику философским духом. С дружескими чувствами приветствовал он книгу, и его одобрение было для меня очень ценно. Теперь он ушел от нас, однако я с удовольствием связываю это новое издание с памятью о нем и хочу надеяться, что книга,

вышедшая с новыми аргументами и дополнениями, пришлось бы по нраву этому светлому человеку.

Берлин, 31 марта 1862 г.

Логические исследования

Сначала обозначим замысел «Логических исследований».

Особенностью собственно философского способа рассмотрения является познание целого из единичного, но при этом замалчивается предпосылка, что целое происходит из мысли, которая определяет части.

Особенностью собственно эмпирического способа рассмотрения, напротив, является анализ единичного в его разложении, а в большей мере сбор и соединение, но при этом замалчивается предпосылка, что каждый пункт также является особенностью для себя самого и поэтому также может быть исследован отдельно.

Между тем эта противоположность снимается в научном прогрессе. Ибо единичное стремится к целому, а познание из целого никогда не является началом.

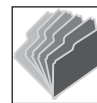
Именно поэтому науки так укрупнились, что обратили свои исследовательские силы на единичное, а не на данное непосредственно из целого. Ограниченная сила смогла быть достаточной для ограниченных предметов. Таким образом, посредст-

вом разделения работы были получены твердые положения, на которых как на основаниях покоится познание неохватного целого.

Философия, согласно особенностям своего направления, пренебрегла этим путем. В то время когда история остальных наук сообщает об отдельных открытиях и их удачной комбинации, история философии представляет собой различные способы рассмотрения целого познания.

В новейшее время система возникает за системой; и потому, что предполагается из них понять целое и из целого – своеобразие единичного, в них редко разделяются какие-нибудь твердые положения и почти не имеется общего основания. Каждая система принимается за целое заново и, так как для нее в целом заключена вся ценность, познание единичного содержания продвигается не философией, а только тихим ходом частных наук. Философским системам трудно достичь обоюдного понимания, так как у них нет общего, всеми признанного достояния, каким обладают остальные науки.

Мы пытаемся пойти обратной дорогой. Всегда имеется стремление направить все человеческое познание на то, чтобы разрешить чудо божественного творения воссоздающим мышлением. Если начать это в единичном, то единичное само увлечет дальше; ибо с такой же силой, с какой все поднимается из основы, в обратном направле-

нии вещи опять укажут на основу.

Если единичное будет внимательно рассмотрено, то в нем откроются черты всеобщего: покажутся швы, посредством которых оно связано с целым; а далее пути, по которым из целого возникает жизнь. Единичное служит телу членом, само тело сделало его членом. Поэтому оно может быть понято только через душу, устанавливающую цель; душу, которая правит телом. Вот отчего исследования единичного будут вестись на основании этого духовного определения целого.

Если единичное будет глубже исследоваться, то приобретет независимость от науки, ибо станет значимым фактом; тогда можно надеяться, что меняющиеся взгляды на целое станут более постоянными, так как по мере увеличения твердых положений возможность сомнения становится все меньше. Как в алгебраической задаче по мере появления новых определенных элементов становится все меньше вероятных случаев, все меньше становится и количество допустимых возможностей, а единственная действительная оказывается все ближе; точно так же происходит в тех науках, которые ищут в единичных наблюдениях новые определенные элементы и надеются из четко установленного единичного более верно начертить целое.

С тем, кто обозначенную здесь мысль о *единичных* исследованиях хочет объявить нефилософской, – ибо такие понятия, как целое и части, будучи неподвижными и внешними определениями, сначала нужно растопить в диалектическом тигле, чтобы затем употребить в расплавленном виде, – мы спорить не станем. Значения этих понятий выяснятся позже. Название не важно для нас; только бы получить философский результат, а этот взгляд пусть пренебрежительно назовут эмпирическим.

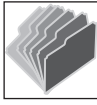
Что в итоге дадут единичные исследования, то не останется единичным, не останется всего лишь эпизодом, оно волеется в значительно большее, в *действие целого*. Ряд исследований должен пройти круг логических вопросов, чтобы получить понимание *целого* науки.

Дальнейшие объяснения даны для того, чтобы охарактеризовать задачу и направления этой дисциплины.

I. Логика и метафизика как основная наука

1. Только в противоположность частным наукам возникает сознание той общей науки, которую мы называем философией. В началах познания единый взгляд еще мог охватить противоположные направления; частные науки и эта общая наука разделяются не сразу, они отделяются друг от друга только с расширением круга каждой в отдельности.

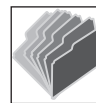
Частные науки ведут из себя самих в более широкую область. В стремлении быть для самих се-

бя достаточными они, хотя и пытаются замкнуться в собственной области, вынуждены, однако, снова открыть границы, так как понимают, что содержат в себе неявные предпосылки, нерасчетные основные понятия, перенятые принципы, не обсужденные начала. Затем, когда частные науки вступают друг с другом в спор, следует столкновение со всеобщим, которому они все должны подчиняться; науки, испытывающие потребность думать о себе как о целом, собираются мыслью целого, по отношению к которому они сами являются только частью. И если частные науки могут довольствоваться своими тесными границами, то глаз желает свободного взора и стремится освободить вид, открывающийся с господствующей высоты. Частные науки не только оттачивают дух благодаря единому последовательному способу наблюдения, но из-за односторонности дисциплины притупляют свое стремление к всеобщей восприимчивости; вот почему в каждом, предназначенном для возвышенного духа, они пробуждают потребность к оживлению, которая может проистекать только из дополнения особенного всеобщим. Из этих необходимых, но противоположных стремлений возникает *философия*, которая желает называться *наукою идей*, когда другие идеи выходят через части к определенному мыслию целому и через особенное к всеобщему.

2. Где нет еще никаких других наук, там также нет и философии. В этом отношении то, что как на Востоке, например в Индии, хочет казаться философией, на самом деле является схоластикой национальной религии: это только произведение религиозного духа, который в ограниченном и определенном кругу мысли сам себя рассматривает, сам себя утверждает и сам хочет потворствовать влечению к расширению и развитию. Поэтому надо беречься таких объяснений философии, которые угрожают смешать с ней религию или теологию, например такого определения, будто философия – познание вечного, или объяснений, которые приписывают ей такие общие направления, что исчезают все особенности наук, как, например, такое определение, будто философия является стремлением духа к познанию истины. Где бы остались достоинства других наук, если бы не те же самые стремления к истине и неизменному служили для *всех них* этической опорой?

Науки исторически образуются в разных точках и отдаленных друг от друга местах. Поскольку они появляются не как часть целого, а как несвязанные элементы, то каждая из них представляет себя в качестве целого. Зарождаясь у человека, который помещен в мир как ограниченная часть и может видеть только его части, они сначала могут открывать только части универсума или части его частей. Только когда универсум воспроиз-

ведется познающим духом, тогда представится в полном смысле организм наук, в котором отдельная дисциплина будет членом Единого целого. Такое целое ... только тогда и может быть плодом *завершенного* познания, когда последняя идея будет находиться в отдаленной перспективе, почти в бесконечном удалении. В нем философия и особенные науки больше не будут разделены; философия примет в себя все особые науки, а особые науки вновь воздвигнут философию.

Между тем на пути к этой далекой цели дело философского изучения – искать и представлять идею целого в частях, идею всеобщего – в особенном.

В каждой науке всегда имеются ... элементы, которые равным образом принадлежат как части, так и целому или обнаруживают в особенном силу всеобщего. Особый предмет каждой науки представляется как разветвление всеобщего бытия, а своеобразный метод – как особое направление познающего мышления, мышления вообще. Первое из этих отношений ведет от каждой науки к *метафизике*, второе – к *логике*.

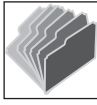
3. Сначала обратимся к первому отношению.

Предмет каждой науки ограничен; на границе действует ограничивающее, т.е. сопредельная область; связь объектов прежде всего обнаруживается в этом соседстве. Если мы оставим привычный образ научных областей

и участков, которые как бы геометрически лежат друг рядом с другом, и поищем вместо этого образа настоящее соотношение, то всеобщее каждой науки, которое способно принимать в себя особенное или образовывать более высокое, будет находиться к всеобщему остальных наук в особом положении, обуславливая их или обуславливаясь ими. В этой связи возникает вопрос: чем тогда будет всеобщее и через все проникающее сущее? В этом вопросе – довод в пользу той философской науки, которая названа Аристотелем *первой философией*, а позднее в соответствии с принятой последовательностью аристотелевских сочинений – *метафизикой*. Эта наука познает существующее как сущее и полагает сущее как таковое, тогда как частные науки отделены изучением только элемента существующего, как, например, математика¹.

Все особенное познание совершается во всеобщем, и ко всеобщей основе каждая наука возводит свой предмет, и хотя предметы наук своеобразно образуются в особенном объекте, все же как особенное они имеют высшее начало. Если понимать сущее как таковое, как всеобщее, осуществленное в особенном, подобно тому, как корень осуществлен в ветвях, то познание превратится в познание *первых* основ, именно первых основ, если мы начинаем с источника знания, или *последних*, если мы поднимаемся от яв-

¹ Аристотель. *Metaphys.* IV, 1. P. 1003 a 21.

лений и возвращаемся к сущности.

В этом смысле каждая наука заканчивается в метафизике, если она продвинется до тех пор, когда ее особые основания перейдут в общее или же... когда всеобщее разовьется до особенного. Так как этот вид всеобщего будет разделен сообразно предметам частных наук на особенное и тем самым более или менее опосредован, то каждая наука будет иметь свою собственную метафизическую проблему, где метафизика должна представлять собственную связь своих объектов с существующим как таковым, а их основы – собственную связь с теми общими основаниями, которые независимо от частных наук находятся перед каждой из них. Метафизика математики, метафизика науки, метафизика морали будут представлять различные стороны или различные разветвления одного исследования, направленного на последние основания.

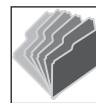
В различных объяснениях, которые дают понятию метафизики различные системы, везде можно встретить определение, согласно которому в противоположность всем наукам, рассматривающим существующее как особенное независимо от того, имеют ли они спекулятивный или эмпирический источник, метафизика призвана изучать сущее как сущее, как всеобщее бытие, лежащее в основании особенного. Даже в новейшей немецкой философии, которой не занимать оригинальных концепций, изначальное понятие только

переливается разными цветами. Кант характеризует принципы а priori, без которых невозможно получить никакое опытное знание, как метафизические и устанавливает таким образом метафизические начала естествознания, метафизические начала учения о праве и метафизику нравов. Правда, здесь нужно заметить, что в а priori выражен такой взгляд на истоки познания, который принадлежит духу самого Канта; но в остальном за метафизикой остается то всеобщее и необходимое, которое обосновывает познание особенного. Если Герbart истолковывает метафизику как науку о понятийности опыта, то опыт принадлежит особенному, а понимание устраняет противоречия из понятий опыта... и исходит из всеобщего, хотя, по Герbartу, оно исходит прямо из понятия сущего как такового. Прежде чем выбрать особое направление, как это на свой лад сделали Кант и Герbart, направление, которое уже предопределило бы результат исследований, помыслим понятие метафизики в изначальной аристотелевской простоте.

Подведем итог: каждая наука ведет к метафизике, которая стремится постичь существующее само по себе, всеобщее как основу всякой особой вещи.

4. Вторым отношением являются методы, противостоящие объекту.

Каждая наука содержит своеобразный прием, посредством которого она привносит во владение духа сначала свой предмет,

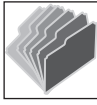
а затем и основания предмета. Стараясь исключить пустые мнения, которые приходят на скорую руку, но, не имея силы сопротивляться, сдаются при первом же натиске, мнения, которые не достигают вещи и не затрагивают духа, науки прокладывают различные дороги для того, чтобы укрепить представление и исполнить закон вещи. Например, математические науки свой предмет образуют изнутри и, расширяя познание от простого к сложному, действуют иначе, чем естественные науки, которые продукты переплетающихся процессов и многообразие связанных друг с другом условий сводят к простым элементам и связям между ними. Различные методы в этом смысле говорят об особенных методах частных наук, о методах логики, математики, естествознания, юриспруденции. Между тем на различных путях обнаруживается только одно-единственное мышление, которое, для того чтобы иметь возможность понять предмет, различным образом направлено на него. В науке только одному-единственному мышлению дано различное побуждение всегда находить новые искусства, которые должны как бы в плен заключить предмет. Однако сквозь все проходит и во всем проявляется только одно-единственное искусство – мышление, будучи само с собой согласным, будучи посредством малых средств могучей сущностью. Везде оно ищет необходимое; нигде не допускает противоречия, однако

само, чтобы определить необходимое, окольным путем использует противоречие. Если мы назовем методом путь ... познания необходимости или путь приближения к познанию необходимости или способ измерения приближения к необходимости, то это будет метод, делающий науку наукой. И если методы кажутся только дополнением к предмету наук, хотя ему и не принадлежат, но имеют свою всеобщую основу в обрабатываемом предмете мышления, то это ведет к задаче – разыскать их исток в сущности мышления.

Таким образом, каждая наука ведет, с одной стороны, к метафизике, а с другой – к логике, к исследованию мышления, производимого познающими науками.

5. Если науки хотят себя завершить, то они нуждаются как раз в том, чтобы из себя самих вести в более широкую сферу. Поэтому логика и метафизика ... есть следствия их научных стремлений.

На эту же сторону проблемы указывают вопросы, которые возникают при развитии каждого деятельного духа. Обычно человек, сначала поучаемый окружающими вещами и наставляемый превосходящим разумом более зрелых людей, вырастает в неосознанном убеждении в том, что вещи едины со своими представлениями, в естественной вере в их истинность и достоверность. Однако если он начинает чувствовать и ... думать *сам*, ес-

ли разбитые надежды, упущенный результат научат его недоверию к своим представлениям, к вещам, то он ввергнется в сомнения. Тогда мы знаем только то, что ничего не знаем, но все же, побуждаемые стремлением к знанию, мы станем критичными; тогда возникающие в этом настроении духа вопросы о границах нашего познания будут вторгаться то в логику, то в метафизику. Если противоречие разводит мысли, которые хотели бы соединиться, если ссорит мысли, которые считались согласованными, а достоверное превращает в недостоверное, то за этим действием противоречия чувствуется одновременно сила мысли и власть вещи, дающей мысли законы. В основе противоречия находится *необходимость*, которая является совместной загадкой логики и метафизики.

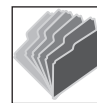
Если противоречие нелегко распознать, то трудно и достичь уверенности. Сначала сознание необходимости является противоположностью сомнению, притягивающему и отталкивающему дух. Сомнение полезно в единичном, когда оно хочет удостовериться знание, там же, где оно осмеливается действовать как всеобщее, там, где оно хочет стать взглядом науки вообще и сделать науку таким знанием, которое ей недоступно; тогда оно превращается в *скептицизм*, парализующий нерв познающего духа. Недостаточно в общем узнать, что такой скептицизм сам в себе противоречив, когда он учит тому, чему нельзя научить, а меж-

ду тем этому учит, когда он хочет знать, что ничего не знает, а между тем утверждает, что он это знает. Недостаточно в общем показать, что уже это негативное учение и есть знание, знание, однако, небольшое, предполагающее твердые точки, которые, последовательно развиваясь, могут стать позитивным знанием. Теоретическое опровержение скептицизма скрыто в логике, которая стремится выразить взгляд на сущность необходимости и на процесс становления знания.

6. Если все науки вместе указывают на то, чем они обусловлены, причем, с одной стороны, это логика, а с другой – метафизика, то такое познание, которое определит науку в ее сущности и захочет стать *теорией науки*, должно охватить вместе метафизику и логику. Только из обеих связей становится понятно, что внутренняя возможность знания и мышление постигаются в своем стремлении к знанию. Наука, которая объединяет рассмотрение мышления и существующего как такового, была названа Платоном диалектикой; мы, чтобы избежать стороннего понятия, лучше назовем ее *логикой в широком смысле* и посвятим именно такой логике наши «*Логические исследования*».

Чтобы одним предварительным взглядом охватить единство логики и метафизики, примем во внимание следующее.

Начало науки обыкновенно лежит в кажущейся случайности,

находящейся чаще всего вблизи, часто в том, что прямо-таки привлекает к себе внимание; однако оно завершается только в необходимом. Ее ход – это движение от случайного к необходимому, движение, которое включает случайное в необходимое. Например... эмпирические науки сначала осматривают вещь, затем... наблюдают за явлениями, затем... собирают разложенное, упорядочивают собранное, классифицируют для обзора целого: так, в наблюдении силу имеет постоянство, основание хочет прорваться в целое, а в целом проявляется необходимость. Вначале несвободный от любопытства дух сам собою дошел в науках опыта до внушенной законом серьезности. Законы, которые ищет эмпирия, являются следствием необходимости целого, которое обнаруживается даже тогда, когда в окончательном единстве оно все еще сокрыто. Если спекулятивные науки, например чистая математика, могли начаться с вольной игры мыслей, со свободной комбинации элементов, то серьезность правил и законов в этой игре захватит дух и именно в этих науках ему впервые станет очевидна теоретическая необходимость. Продвигающаяся вперед наука обращает неопределенные представления в необходимо определенные, реально ощущаемое – в необходимость мысли. Поэтому целью и мерой всех наук является необходимость, на необходимость нацелен метод, причина, толкающая каждую науку к логи-

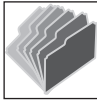
ке, метод нацелен на необходимость связей с первыми основаниями – вот причина, которая влечет каждую науку к метафизике.

Эта необходимость, нигде не имеющаяся как данность, однако приобретенная духом, кажется общим производением логического и метафизического. Ибо мышление и бытие, своеобразно связанные, распознаются в своих общих характеристиках.

В необходимом прежде всего обнаруживается сила мышления. Без мышления не было бы ни возможного, ни необходимого, а было бы только действительное. Не было бы возможного, так как возможное возникает только там, где мышление дробит и членит действительность, а затем работает с этими полученными ею элементами; не было бы необходимого, так как бытие представлено в необходимом как обработанное и проникнутое мышлением. Только мышление способно понять, что нечто *не может быть другим*, как тем, что оно есть, а именно, возвысить действительное до необходимого.

В необходимом, однако, дает о себе знать также и сущее. Без бытия также не было бы необходимого; потому что для порождения необходимого мысль должна во всех отношениях определить и увязать природу вещи; она должна стать вещью и из вещи вынести закон.

К необходимой составляющей всякой науки относится указание на определенную двойст-

венность. Если одновременно мыслятся оба отношения, отношение мышления и отношение сущего, то оказывается, что в необходимости, которая возвысила науку до науки, сущее своеобразно воспринимается в мышлении, а мышление в сущем. Из этого отношения вещи в нашем предварительном рассмотрении следует, что только такое познание может стать теорией науки, которое в том же самом смысле, что и частная дисциплина, объединит

внутри свои особые методы и свой особый объект, поймет логику и метафизику в единстве как основу особенного.

Все дисциплины стоят на основе такой науки и неявно опираются на предпосылки, познать которые стремится только *она* одна; поэтому такая теория науки (логика в обозначенном широком смысле) является *основной наукой*, *philosophia fundamentalis*.

Перевод М. Р. Демина